

Научная статья

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-127-142

КОНЦЕПТ «ХЭКУ» В ЧЕРКЕССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ОТ АУТЕНТИЧНОГО ХОРОНИМА К ОБЪЕКТУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРЕПАРИРОВАНИЯ

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2023

Аннотация. Семантическое поле «родина / отечество» в черкесском языке еще не становилось предметом отдельного исследования в междисциплинарной оптике. Соответственно и динамика семантических траекторий понятий, составляющих этот кластер лексем оставалась вне фокуса исследовательского интереса. В настоящем тексте предпринята попытка исследования особенностей функционирования концепта Хэку в аутентичном языковом контексте черкесов и специфики его препарирования в рамках доминирующего дискурса посредством институционального инструментария в советский период. Работа базируется на анализе широкого круга лексикографических, фольклорных и нарративных источников. В ходе реализации исследовательских задач существенное внимание уделено потенциалу компаративного метода.

Ключевые слова: Хэку, черкесская лингвокультура, хороним, концепт, индигенность, институциональное воздействие, Черкесия

Для цитирования: Алоев Т.Х. Концепт «Хэку» в черкесской лингвокультуре: от аутентичного хоронима к объекту институционального препарирования // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 127–142. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-127-142

Original article

THE CONCEPT OF “HEKU” IN CIRCASSIAN LINGUOCULTURE: FROM AN AUTHENTIC BURIAL TO AN OBJECT OF INSTITUTIONAL DISSECTION

Timur H. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Н. Алоев, 2023

Abstract. The semantic field “homeland / fatherland” in the Circassian language has not yet become the subject of a separate study in interdisciplinary optics. Accordingly, the

dynamics of the semantic trajectories of the concepts that make up this cluster of lexemes remained out of the focus of research interest. In this text, an attempt is made to study the features of the functioning of the Heku concept in the authentic Circassian language context and the specifics of its preparation within the framework of the dominant discourse through institutional tools in the Soviet period. The work is based on the analysis of a wide range of lexicographic, folklore and narrative sources. During the implementation of research tasks, considerable attention is paid to the potential of the comparative method.

Keywords: Kabarda, Russian command, military operations, renegacy, scouts, guides, (escort) guides, hajrets

For citation: Alov T.H. The concept of “Heku” in Circassian linguoculture: from an authentic burial to an object of institutional dissection. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 127–142. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-127-142

В современной гуманитаристике преобладает мнение, согласно которому такое понятие, как родина, в Средние века не употреблялось [Сенокосов 2005: 119]. Хотя это положение небесспорно, и, по меньшей мере, можно говорить о прецедентах, подтверждающих и обратный взгляд на вопрос, данный тезис сойдет за валидный эмпирический фон и отправной пункт при рассуждениях о хоронимических реалиях в Черкесии в Средневековье и Новое время.

По меньшей мере, восемь столетий хороним *Черкесия* прочно фигурирует в номенклатуре стран Старого Света. Но это название крупнейшей в кавказском регионе страны на протяжении Средних веков и Нового времени не имело широкого употребления среди ее населения (хотя оно, возможно, за исключением некоторых труднодоступных горных обществ в ее западной части, вполне осознавало объект, обозначаемый им). Черкесы, естественным образом, при назывании своей страны (как говорил князь Кайтуко Хамурза, «по всему пространству той земли, где наш народ обращаться властен») [КРО 1957: 362] пользовались индигенным вокабуляром. Источники позволяют отследить особенности его функционирования. Наиболее выраженной спецификой черкесской хоронимии предстает сочетание, устойчивое сосуществование на протяжении длительного времени двух разнородных номинаций. Одна из них формировалась по привычной модели отражения имени доминирующего этноса в названии страны, и особенностям ее фиксации в литературе и специфике словоупотребления, целесообразно посвятить отдельную работу.

Здесь же мы обратимся к менее поддающемуся четкому определению понятию, посредством которого черкесы говорили о своей стране. Ввиду того, что данная проблема (по крайней мере, в контексте задач настоящего исследования) имеет преимущественно социокультурное, нежели сугубо лингвистическое значение, представляется оправданным анализ условий функционирования центральной лексемы черкесской хоронимии, в диахронии последних двух столетий, предварить развернутыми суждениями сторонних наблюдателей относительно представлений жителей Черкесии о своей стране. В 1849 г., после трехлетнего проживания среди черкесов, К. Сталь писал о том, что у черкесов «нет общего отечества, преследующего какую-нибудь высокую, сознательную (т.е. сознательную. – Т.А.) цель» [Сталь 1900: 108]. Им также отмечалось, что на вопрос о происхождении черкес отвечал, что он «бсленеевец или махосевец, с такой серьезною важностью, как будто бы он был вельможа какого-нибудь огромного известного всему миру государства» [Сталь 1900: 107]. Выраженная снисходительность, с которой автор делится своим наблюдением, как бы сообщает о безосновательности претензий объектов его описания. Однако для достижения эффекта убедительности одних стилистических ходов было недостаточно. Поэтому в тексте предпринимается попытка выстраивания идеологического контекста, подкрепляющего обоснованность авторской рамки. Она артикулирована в рубрике под названием «Любовь к родине».

Пространные рассуждения автора для удобства восприятия разделим на две части. Первая из них – умозрительная.

Разводя по крайним полюсам проявления, которые в стандартной ситуации дополняют друг друга он постулирует идею того, что «Двойко проявляется любовь к отечеству в человеке или как любовь к общине, где мы родились, или как любовь к моральным целям государства, в котором мы живем».

Развивая линию на антагонизацию автор продолжает: «В первом случае, мы любим тот небольшой клочек земли, где родились, где первые наши впечатления и привычки, где покоится прах предков: это чувство врожденное, невольное, ограниченное, как ограничен тесен кругозор общины, назовем его *любовью к родине*.

Во втором случае, мы любим целое государство, его пространство, его народонаселение, его местные особенности; мы разделяем его вражды и симпатии к соседям, мы понимаем моральную цель жизни нашего отечества, и мы пламенно сочувствуем этой цели. Высокое это чувство, сознательное, оправданное разумом, есть *любовь к отечеству*» [Сталь 1900: 107].

Представляется, что о правомерности подобных суждений следует говорить, принимая во внимание представления и установки их автора, которые в свою очередь исторически детерминированы и встроены в рамки определенной культуры. Из каких же предпосылок исходил Сталь, артикулируя вышеприведенные умозаключения?

Для адекватного восприятия сообщения следует начать со специфики ключевой лексики, используемой автором. В первую очередь, речь идет о слове *родина*. Несмотря на то, что вся рубрика озаглавлена как «Любовь к родине» очевидно, что само слово *родина* (введенное в литературный обиход лишь за несколько десятилетий до написания этого текста) не обрело еще стабильной семантики в русском языке и отражает географически весьма ограниченную локацию. Она, как следует из текста, представляет собой «небольшой клочек земли» и ограничена «кругозором общины». То обстоятельство, что в исторических реалиях николаевской России под «общиной» преимущественно подразумевалась форма коллективной собственности, и низшая единица управления крепостным населением империи делает антитетическую конструкцию Сталя предельно дисбалансированной. Предлагаемая автором бинарная логика оказывается неубедительной ввиду того, что если в отношении 9/10 тогдашнего российского населения тезис об «общинном» мировоззрении, в целом, и мог быть справедливым, то вторая ипостась «высокого чувства» едва ли просматривалась в его самосознании. Ее носителем (и то, с оговорками) могли быть лишь малочисленное дворянство и только-только оформлявшееся в социологически осязаемом качестве разночинство. Следовательно, онтологическое уравнивание полюсов патриотизма, и их аксиологическая иерархизация в конструкции Сталя остаются необоснованными. Поэтому авторская рамка, покоящаяся на индуцированной просвещенческой телеологии и едва прикрытом чрезмерным этатизмом верноподданническом рвении не могла объяснить содержания актуального на тот период черкесского патриотизма. Но из нее предсказуемо вытекал «предписываемый» последнему символически невысокий ранг – авторская установка была очевидно направлена на приравнение черкесской картины мира «общинной» социальной идентичности десятков миллионов подданных Романовых.

Во второй (условно, эмпирической) части своих рассуждений он отмечает: «У полудикаго горца любовь к родине проявляется безсознательно привязанностью к месту рождения, к обычаям, которые он считает лучшими в мире...» [Сталь 1900: 107]. В этом случае следует признать, что с задачей описания, разумеется, в обрамлении специфической риторики и интонации, автор, в известном смысле, справился. Констатируя у черкеса выраженное чувство сопричастности к «месту рождения», и пиетет к «обычаям, которые он считает лучшими в мире» Сталь неосознанно признавал наличие у интересующего его народа определяющих компонентов устоявшегося самосознания. При этом кейсы условных «махошевцев»

и «бесленевцев», приводимые им в качестве иллюстрации высокого коэффициента партикуляризма локальных групп слабо подкрепляют имплицитную гипотезу об «общинном» самосознании населения Черкесии. К примеру, княжество Бесленей фиксируется в русских источниках еще с середины XVI в., а его правители обозначены в них как «черкасские государи» [КРО 1957: 3]. В середине 30-х гг. XIX в. княжество состояло из 34 населенных пунктов, расположенных на обширном пространстве междуречья Ходзи и Урупа (для сравнения, площадь Бесленей, по меньшей мере, в два раза превосходила бы территорию современной Ингушетии). Таким образом, географические параметры, демографический потенциал и длительная традиция независимого (или, по меньшей мере, автономного) политического развития княжества, исключают возможность характеристики самосознания его населения как «общинного». Налицо яркое проявление черкесского регионализма – местной территориальной привязанности, ввиду особенностей политического развития, облеченной в форму династической лояльности. При этом бесленевский региональный патриотизм не подрывал общечеркесской идентичности, а составлял ее неотъемлемый структурный элемент.

В этом плане ситуация в Черкесии разительно отличалась от положений дел в различных странах, которые постфактум воспринимаются как воплощения незыблемого идентитета. К примеру, общепризнанно, что Япония эпохи Токугава – «это только условное название для самых разных мест, обычаев, людей, говоров» [Мещеряков 2022]. Разбираясь в ситуации на противоположном конце азиатского континента этого времени, другой автор отмечал, что историческая обстановка на протяжении веков «не породила в Турках никакой мысли об отечестве. Для выражения этого понятия нет и речения в турецком языке» [Муравьев-Карский 1874]. О самосознании тех, кого сейчас принято называть греками современный исследователь придерживается того мнения, что оно опирается наряду с другими и «на ощущении *patris*, то есть малой родины, иногда размером с деревню» [Ашерсон 2017: 296]. За полтора столетия до него другой автор склонялся к более радикальному видению. «В патриотизме своем грек не обнимал Отечества в широком смысле слова, он отличался всегда привязанностью к известной местности, к родному городу или селению, в котором сосредоточивались все его интересы», – утверждал Е. Феоктистов. [Феоктистов 1862: 493; Петрунина 2010: 157]. Если японский и греческий кейсы противоречивы, и не дают ясного понимания соотношения представлений о своей родине в диапазоне от микролокального самосознания до уровня сопричастности к наиболее обширным политическим агрегациям, и тем самым, представляют определенную сложность для формализации степени развития регионализма в этих «странах», то российский материал предлагает существенно более монохромную картину. Не погружаясь в фактографию по этому предмету, представляется уместным ограничиться если и не исчерпывающим, то, по меньшей мере, показательным суждением. Ф.М. Достоевский писал: «В России мы чувства местности не имеем. Ну что такое, например, Владимир? И зачем его знать, а Костромы так даже и стыдимся...» [Достоевский 1982: 80].

Можно полагать, что подобные культурные реалии составляли питательную почву для небрежения неимперскими формами политической организации. По крайней мере, в повествовании Сталя, склонность к специфическим, если не сказать тенденциозным трактовкам просматривается явственно. В далеких от нейтральности интонациях здесь отмечается: «Для горцев, раздробленных на маленькие независимые общины, их маленькая родина кажется большою, она независима и сильна, она воюет и заключает мир с такими же маленькими соседями, как она сама. Горец гордится своею родиною, потому что в этом микроскопическом государстве он не последний человек, он играет более или менее важную роль, как князь, или старшина, или наездник, или язык народа (оратор)» [Сталь 1900: 107]. Если отвлечься от снобистского тона и оценочного взгляда (очевидных в широком

контексте авторского подхода) пассаж окажется весьма информативным. По сути текст живописует типажа, аналогичного эллинскому политэсу, воплощающего на черкесской почве идеалы *res publica*. В условиях конца 1840-х гг., когда николаевский режим находился в зените своей жандармской славы, описать подобную фактографию в комплиментарном ключе было немислимой дерзостью. Давно ставшее хрестоматийным положение о том, что для установления легитимного господства империализму необходимо сконструировать инаковость как отсталость [Fanon 1970: 73], объясняет установку Сталя на избыточную акцентуацию на «микроскопичности» черкесских политий. Видимо, автор стремился компенсировать отсутствие общепризнанных атрибутов просвещенности и продвинутости у представляемого им государства предьявлением имперской мегаломании. Впрочем, сама инициатива автора четко укладывается в другую закономерность. Говоря словами Салмана Рушди, она сводится к тому, что одной из величайших привилегий поработителя является описание поработенных [Лиссабонская конференция по литературе...].

Зыбкость выстраиваемой Сталем конструкции обнаруживается и при обращении к работе, появившейся спустя десятилетия в условиях отмены цензуры в начале XX в. Сефербий Сиюхов приводил интересные фрагменты работы А.В. Симонова, опубликованного в 1907 г. Авторский текст если и не задуман в контрапункте к сентенциям Сталя, то, в любом случае, производит впечатление вовлеченности в опосредованную полемику. Удивительным образом, отправным пунктом авторской фабулы стали рассуждения, конгруэнтные предложенным выше соображениям о некорректности экстраполяции на формы самосознания в Черкесии характеристик социальной идентичности, базирующейся на «общинной ментальности». Вскрывая роль территориального фактора в формировании базовых представлений о родине у черкесов, автор отмечал: «Племена горцев сносились между собою весьма деятельно и потому знали всю свою страну так, как немногие наши земляки-сельчане в недалеком прошлом знали путь до уездного своего города; потому-то путешествие их далее своей пашни или к куму в соседнее село считалось чуть ли не на край света» [Сиюхов 1997: 286].

Демонстрируя эмпатичное погружение в черкесскую эмпирику, автор на примере все того же «бесленевца» разворачивает живописную картину неотторжимой сопричастности обитателей страны со своим Отечеством. Он пишет: «Возьмите, например, бесленя и спросите его хоть о местности хамышейского общества; он вам скажет, что там протекает река Схагуаше – Белая и речонки Дзеха и Шежох; что из Даха можно проехать верхом на лошади к хамышейцам по теснине, прорезываемой Белою, а на арбе урочище Сарай или урочище Мазмай; что к даховцам есть колесный путь через урочище рр. Губс, Фарс и Ходзь и затем через каменный мост и другой через р. Алеркуш, высоты Физиабго и Шудехт и по р. Шешуко или через Экепцоко, Ашаба и вниз по р. Дахо или от каменного моста нагорной дорогой. А о ближайшей местности этого племени, как, например, Хамкеты, и говорить нечего: любой, даже спросонья, скажет, что высоты, отделяющие хамкетинский район с юга – «даховские» и непременно назовет Экепцоко и осведомит, что дальше есть еще Ашаба и Шудехт и что до Дахо далеко еще, – и, далее, справедливо резюмирует, – Да, горцы весьма знали топографию и этнографию своей родины...» [Сиюхов 1997: 287].

В своих размышлениях автор не ограничивается объяснением территориальных аспектов чувства родины у черкесов. Обнаруживая явную полемическую заостренность своих суждений, Симонов настаивает на высоком чувстве общности, лежавшем в основе черкесского Сопrotивления на протяжении десятков лет Кавказской войны. С очевидным осознанием своей правоты, автор вербализирует свою позицию посредством череды риторических вопросов: «Но далее, к слову и против того, что горские племена не имели ни связи, ни интересов и, следовательно, какого бы

то ни было нравственного единства, надо сказать, что если бы они, т.е. горцы, действительно были столь ничтожны в этом отношении, то чем же объяснить, что они, ввиду угрожавшей от нас опасности их родине или по случаю какого-нибудь предприятия с их стороны в наши пределы, весьма нередко собирались на определенные пункты для совещаний и, вверив порешенное дело избранным из своей среды, тысячными дружинами вторгались в наши пределы или встречали наши отряды пулей, шашкой и кинжалом, имея нравственный ранжир рука об руку абадзех с убыхом или махош с тем и другим? Уж не поголовным ли разладом между племенами объясняется это?» [Сиюхов 1997: 287]. За ними следует длинная фактология единодушия черкесов и, финальное пропонирующее вопрошание: «Не говорит ли все это за связь и взаимосвязь интересов между племенами ?..» [Сиюхов 1997: 287].

Валидность и полноценность исследовательских подходов, как правило определяются, степенью успешного сочетания двух перспектив на изучаемый феномен; внешнего («объективистского») и внутреннего («интрасубъектного»). В этом плане анализ нарратива Сталя и его деконструкция посредством аналитической оптики из той же этик-платформы образуют прочную базу для выстраивания внутреннего, процессного измерения содержания представлений черкесов о своей стране. Они, судя по источникам, были вполне определенными. Однако семантическая область «родина / отечество» в черкесском языке еще не становилась предметом отдельного исследования в междисциплинарном ключе. Соответственно, и динамика семантических траекторий лексем, образующих этот кластер понятий остается не вскрытой. Поэтому при выстраивании опорной исследовательской позиции представляется целесообразным оттолкнуться от текстов ключевых черкесских авторов первой половины XIX в.

Князь Хатокшоко Измаил [Косвен 1961: 440], Хан-Гирей Султан [Хан-Гирей 1974: 94] и Ногма Шора [Ногма 1956: 71] отдавали должное пафосу *Отечества*, рассматривая его в качестве центрального элемента своих концепций. Писавшие на русском языке авторы, разумеется, отзывались о нем на языке письменной культуры. В этом плане первостепенное значение приобретает задача выяснения черкесского эквивалента русского слова *Отечество*. Принимая во внимание, что в актуальном черкесском языковом контексте доминантой гипонимического поля «родина / отечество» выступает слово *Хэку* представляется оправданным исходить из презумпции его приоритетности в соответствующем лексическом семействе и в исторически обозримый период.

Обратившись к лексикографическим источникам, можно сказать, что самая ранняя его словарная фиксация относится к рубежу 30-х – 40-х гг. XIX в. В словаре Ногма Шора оно не фигурирует в качестве ординарного понятия (следует заметить, что и в небольшом словаре Ж.-Ш. де Бесса оно также отсутствует при том, что лексические единицы в отношении которых данное слово могло бы быть применено («место», «страна») здесь присутствуют [Ж.-Ш. де Бесс 1974: 350–351]), а приводится 1) как предикат в словосочетании «хэку цыху», в значении «местный человек», «местный житель» [Ногма 1956: 210], и 2) при попытке ввести неологизм «хак[у]метх» – география, очевидно составленного из двух сем: «хэку», соединительного форманта «м» и глагола «тх-н», что в сумме позволяет трактовать как «страно-описание» [Ногма 1956: 236] Примечательно, что написавший в это время энциклопедический труд «Записки о Черкесии» Хан-Гирей также (хотя он не составлял словаря) не артикулировал общечеркесской хоронимии на родном языке. А вот длительное время проживавший в Черкесии Леонтий Люлье, в своем словаре в качестве эквивалента слова «родина», («le pays natal» на французском) приводит черкесские «хеку» и «зашальфаго чилле» [Люлье 1846: 182]. При этом, спустя без малого десятилетие, консультировавшие Льюиса Лоуи информанты не донесли до составителя словаря их родного языка

слова *Хэку* (1854). Показательно, что для таких весьма разных по значению слов как «continent», «Empire», «Fatherland», «people», «foreign country», «land (country)» автор издания нашел лишь одну черкесскую номинацию – «tsheeley», т.е. жылэ / чылэ [Loewe 1854]. Эта тенденция находит продолжение и в словаре Лопатинского (1890), в котором эквивалентами русских понятий «родина», «отечество», «страна», «край», «общество», «народ» представлены совершенно иные, нежели *Хэку* слова [Лопатинский 1896: 153–301]. Сложно сказать, имеем ли мы здесь дело с досадным упущением, или же сыграла свою роль неготовность / неспособность информантов найти в русском языке полноценный аналог слова *Хэку*. Определенно можно говорить лишь о том, что данное слово находилось в речевом обиходе, о чем свидетельствует словарь Габора Балинта, составленный спустя десятилетие после Лопатинского. Описание значения этого слова через латинские и венгерские слова представляют значимый интерес с точки зрения выявления его внутренней формы и семантической незамкнутости в черкесском языковом сознании. Пространственный аспект понятия в словаре выражены венгерскими словами *hely* (значения: место, местность), *kornyeck* (значения: окрестность, местность вблизи (чего-л.), район (чего-л.)), *videk* (значения: местность, край) [Балинт 1904: 214].

Словарь Балинта, с точки зрения рассматриваемого здесь предмета интересен двумя моментами. Первое сводится к интересному слову «koz», приведенному, как один из эквивалентов черкесского *Хэку*. В венгерском языке слово «koz» может означать «общность», «общество», «общее дело». Наверное, закономерно, что именно эта лексема выступает в качестве корня в сложносоставном слове *koz-tarsasag* – Республика [Русско-венгерский словарь 1951: 399]. Удивительно, что информанты Балинта, с одной стороны, смогли донести до ученого «семантику вовлечения», присущую слову *Хэку*. При этом, не менее значимо, что чуткое чувство родной речи позволило ученому не впасть в искушение представить слово *Хэку* в патетическом (и поэтическом) ключе. Так, исследователь не стал для объяснения значения черкесской номинации привлекать слово *hon*, выступающее корнем для двух референтных понятий в венгерском историческом сознании. Речь идет о *Honfoglalás* («обретение родины» 896 г.) и *honvedseg* (гонимые, защитники отечества 1848–1849 гг.).

В 1929 г. грузинский ученый Симон Джанашиа совершил этнографическую экспедицию в Черкесию. Одним из задач экспедиции был сбор разнообразной лексики. Информант Джаримов Ахмед из Егерукая сообщил что слово *страна* на черкесском обозначается лексемой *xékiv*, т.е. *хэку* [Джанашиа 2007: 54]. Спустя год, в 1931 г. Л.И. Лавров, находясь в кунацкой Егумова Хасана в Адамии, услышал сюжет из нартского эпоса о противостоянии между героями Саусруком и Шибатинуком. Согласно рассказу, узнав о приближении последнего к своему жилищу, мать Саусрука Сатенай обратилась к слугам со следующими словами: «Вот едет нарт, равного которому нет в стране (*хэкор*) (т.е. *Хэкур*, где звук «р» является формантом определенности. – Т.А.). Его следует хорошо принять» [Лавров 1982: 33]. Примечательно, что, локализуя место действия, информант сообщил, что Саусрук жил «на землях между нынешними ст-цей Рязанской и хут. Мелиховским», в то время как его визави проживал «далеко на север от Кубани» [Лавров 1982: 33]. О том, насколько далеко на север от Кубани простирались пределы *Хэку* на ментальной карте черкесов можно судить по неоднократному упоминанию в эпических сказаниях Дона и Волги.

Для объяснения нерегулярного, «мерцательного» фиксирования понятия *Хэку* в языковом пространстве черкесов представляется корректным обратиться к элементам компаративного метода. Начнем с информативного и контекстуализирующего интересующий наш предмет пассажа о столпах «византийской» идентичности. Он принадлежит Нилу Ашерсону – автору увлекательной книги, посвященной образу Черного моря как культурного феномена. Исследователь,

касясь идентитарных особенностей общности, сложившейся к востоку от Апеннин после падения Рима, полагал, что самосознание жителей долин и городов Понта, основывалось «на их чувстве принадлежности к политическому образованию настолько древнему, священному и превосходящему все прочие, что оно едва ли нуждалось в имени. Мы довольно приблизительно называем это сообщество Восточной Римской империей или Византией. Эти названия не передают той важности, почти как в Древнем Китае, какую ромеи придавали империи еще и долгое время спустя после ее падения, как будто она была вечной квинтэссенцией любого политического сообщества, в сравнении с которой все прочие режимы и царства были лишь преходящими сущностями» [Ашерсон 2017: 296]. Обращает на себя внимание то явление, с которым исследователь сравнивал (точнее, на который ровнял) аттестируемый им объект рефлексии. И здесь, ключевым элементом сентенции воспринимается наречие «почти» применительно к Китаю, которому, таким образом, приписывается наивысшая планка в шкале географического и культурного солипсизма. Речь, разумеется, идет о древнем самоназвании жителей Поднебесной – «Чжунго» (срединная земля). Для несиноцентричного взгляда, в подобном названии, скорее всего, прослеживается очевидный географический и культурный эгоцентризм и отражение убежденности в том, что его носитель живет в особенном, срединном пространстве. Однако можно предположить, что, если ханьская картина мира и не импонировала (с ее гипертрофией этатистского начала), все же, наверняка не вызвала бы радикального отторжения в черкесском мироощущении. Вглядываясь в денотацию слова *Хэку*, образуемого из корневой морфемы с пространственным значением *-хэ* и *-ку* – «середины», обнаруживаем очевидное сходство внутреннего содержания двух номинаций.

Сосредоточившись же, собственно, на византийской специфике самоидентификации выявляем другую параллель. Чувство «принадлежности к политическому образованию настолько древнему, священному и превосходящему все прочие...», с некоторыми оговорками, относимо к царившему в Черкесии отношению к «феодальному союзу народов Адыге» [Седжер 2017]. Этот взгляд оправдан даже с учетом того, что последние полтысячелетия Черкесию вряд ли можно было счесть единой политией в общепринятом смысле. Однако, как и в случае с греками после 1453 г., в черкесском историческом сознании осталась память и о былом монолитном единстве эпохи князя Инала («*Инал и махуэм кьытригъэзакІэщэрэт!*»). А она задавала вектор будущих политических интенций (отсюда и сакраментальный геополитический императив Кайтуко Асланбека – «Между этими двумя морями (Каспийским и Черным) и одному князю тесно» [Хан-Гирей 1989: 275] и артикулированное его наследниками самоощущение как «живущих между двух морей день и ночь в приуготовности на конях сидящей народ» [Архив внешней политики Российской империи 1762–1778: 113] и, корреспондирующий с ними тезис, согласно которому самоназвание черкесов означает «народ, живущий на территории между двумя морями» [Спенсер 2008: 10]. Разница заключалась разве что в том, что в отличие от греков, черкесы не теряли независимости и переживаемое ощущение *Хэку* вплоть до Геноцида 1860–1864 гг. не сопровождалось растрavляющим чувством утраты.

Культурный контекст Черкесии, зримее перекликается скорее с реалиями, сложившимися на противоположных от нее берегах Понта в другом отношении. Подобно ромеям, ощущавшим причастность к «непреходящей сущности», и испытывавшие трепетное благоговение к своему Отечеству черкесы, редко проговаривали его имя. И, похоже, также часто придерживались мнения близкого к тому, что их страна «едва ли нуждалась в имени» тем самым, как бы эмпирически подкрепляя идеалистический тезис о том, что «человек или группа могут обладать понятием, не имея слова для его выражения» [Melvin Richter 1995: 9]. По крайней мере, корпус укорененных в черкесском культурном контексте аутентичных

и фольклорных источников не противоречит подобному допущению. Но важно уточнить, что в этом случае речь шла не о субстанции с четко выраженными политическими характеристиками. Более подходящей к черкесским реалиям метафорой описания того, чем мыслилось *Хэку* народа *адыгэ*, представляется идея гуссерлианского «жизненного мира» («*Lebenswelt*») [Гуссерль, Деррида 1996: 158], состоящего из суммы непосредственных очевидностей, задающих формы ориентации. Выступая дофилософским, донаучным слоем любого сознания «жизненный мир» предстает как базис, обеспечивающий общеизвестные представления обладающих характером «автоматических» неосознаваемых регуляторов смыслополагания.

Вместе с тем, следует признать, что концепты философского теоретизирования хоть и повышают стереоскопичность исследовательской перспективы, обладают все же ограниченным объяснительным потенциалом в отношении явления «примордиальной» природы. В поисках бесспорно релевантной аналогии рассматриваемому феномену, уместно обратиться к культурно-историческим путям складывания представлений об *Отечестве* в немецких землях, которые, возможно, хоть бы и опосредованно не могли не повлиять на основателя феноменологии. В этой связи стоит вкратце упомянуть специфику формирования современного патриотизма в Германии в Новое время и взаимодействия в немецкой лингвокультуре этого периода концептов *Vaterland* («отечество») и *Heimat* («родина»). Не вдаваясь в подробности динамической диспозиции этих понятий, на протяжении последних столетий обратим внимание на несколько примечательных фактов. Еще в начале позапрошлого века Э.М. Арндт вопрошал «что есть Отечество для немцев?» («*Was ist des Deutschen Vaterland?*»). Для проникнутого объединительным пафосом поэта ответ был очевидным: таковым должна была стать «вся» Германия [Бусыгина 1999]. Стоит отметить, что, к примеру, подданные Гогенцоллернов в это время использовали понятие *Vaterland* по отношению и к прусскому государству. «При этом, – что примечательно в контексте настоящего исследования, – в прусских источниках делалось достаточно четкое различие между Пруссией как Отечеством для каждого пруссака и немецким Отечеством в целом» [Стерхов 2017: 72]. Согласно им «немецкое Отечество» упоминается в них «спорадически и остается умозрительной абстракцией, не уточняются границы этого немецкого Отечества, которое является отвлеченной абстракцией, нежели реальностью...» [Стерхов 2017: 72]. Последующее возвышение Пруссии и объединение под ее главенством всей Германии предопределило закрепление концепта *Vaterland* в немецком языке в высоком, официальном и «холодноватом» значении большого национального государства.

В то же время понятие *Heimat* утвердилось в другой семантической нише. Как отмечается в одной из работ: «Ранее границы владений устанавливали радиус действия законов и указов и определяли политическую принадлежность жителей. С Реформацией у хозяев этих небольших территорий появилось право определять конфессиональную принадлежность своих подданных по принципу: «*Cuius regionis eius religio*» («чья власть, того и вера»).

Тем самым в рамках одной земли происходило достаточно однородное формирование культуры ее жителей» [Чеснокова 2015].

При соотнесении подобной фактографии с положением дел в Черкесии нельзя не заметить, что сферой каждодневной языковой реализации территориальной привязанности жителей страны были дееспособные на тот или иной исторический период политические агрегации. Соответственно, население страны широко оперировало названиями политических образований – феодальных доменов. Хан-Гирей, к примеру, пишет про «Ккебердие», «Бейслений», «Тчемкуй / Тчемргой», «Абснэ» [Хан-Гирей 2008: 183, 204, 210]. Ногма, не отставая в следовании акрибии упоминает «Берслание», «Бжедугу», «Камиргое», «Кабардие» [Ногма 1956: 238–239]. Вместе с тем в реализованных (на русском языке) стратегиях самоописания, эти авторы последовательно декларируют свою лояльность

Отечеству. Однако, видимо, как и в вышеупомянутых случаях, когда информанты не сообщали о понятии *Хэку* составителям словарей, не в пример более просвещенные «культуртрегеры» также пасовали перед проблемой перекодировки из одного лингвистического контекста в другой. Подобная ситуация позволяет поместить концепт *Хэку* в неустойчивую зону напряжения между де- и онимизацией в рамках черкесской лингвокультуры. В контексте словоупотребления черкесского *Хэку* просматривается параллель с функционирующим в иврите нарицательным словом «хаарец». Хаарец **חֶרֶץ**, буквально означает «страна» или «эта страна». На иврите Израиль часто называют именно так. Обычные вопросы: «Сколько времени ты [живешь] в стране? (*Kama zman at ba-arets?*), «Когда ты будешь в стране?» (*Matai ata ba-arets?*)... Если что-то сделано в Израиле, об этом говорят *totseret ha-arets*, то есть «продукт страны» [Митлина 2021]. При соотнесении данного феномена с черкесским материалом, очевидно, что узус *адыгэбзэ* допускает подобный профиль языковой реализации слова *Хэку*.

Вместе с тем и дрейф к онимизации рассматриваемого понятия прослеживается вполне отчетливо. Наибольшей рельефности она достигает среди тех черкесских анклавов, чьи идиомы не подверглись деформирующему институциональному воздействию. Фольклорный материал черкесской диаспоры определенно подтверждает как устойчивость высокой семиотической позиции понятия *Хэку* в условиях вековой оторванности от этнической «метрополии», так и предрасположенность к его фиксации в качестве имени собственного. Красноречивой иллюстрацией подобного положения выступают рассуждения на соответствующую тему собирателя фольклора «узун-яйлинского» анклава черкесов Тоглан Якуба.

Обратимся к его рефлексиям на затронутую тему. «АДЫГЭХЭР ЕЗБЫ Я АДЭЖЬ ШЫНАЛЬЭ ЗАКЪУЭРАЩ *«Хэку»-кIэ зэджэр Тыркум шальхуа шанIа си адэихуэм сепуциI (сепуциI – Т.А.) зэпытт, «Хьэждадэ, адыгэхэр дэнэ дыкьыздикIар?» жысIэурэ. Ахуэду сыщепуциIкIэ далэ къэси, «Хэкум» жилIэт, «Хэкум дыкьикIащ». ЗыкI «Адыгэ Хэку, Адыгэ Жылагъуэ, Адыгэ Хэгъуэгу, Адыгэ шIынальэ» жилIэтэкъым, абыи жаIэуэ зыхихарат жыIэжыр (жилIэжыр. – Т.А.).*

ХЭКУ-р адыгэхэм егъышIэ (игъащIэ – Т.А.) ил'эс мин л'андэрэ зыщыпсэу я адэжь шIынальэм езбыхэм фIащауэ шыт цIэ хэхащ, нэгъуэщI «хэку» шыIакъым. Пэжым ухуеймэ абы «адыгэ»-ри къытыгъуэвэн хуейкъым, «Адыгэ Хэку» жыпIэмэ нэгъуэщI хэку шыIэ хуэду къыпфIегъэщIри. Дыщыпсал'экIэ, дыщытхэкIэ псоры мыбы дыхуэвгъэсакъ. «Урыс Хэку», «Тырку Хэку», «Хьэрып Хэку», «Хамэ Хэку»... мыпхуэдэхэр шыIэкъым, «Хэку» жыхуаIэр адыгэм и шIынальэ закъуэращ. Хэку шыжыпIэкIэ ар зэрыадыгэ шIынальэр нахуэ к'охоу. Адрейхэр шIыгуш, шIынальэщ, жылагъуэщ, хэгъуэгуш... » (25. 03. 2021) [Yakup Temel 2021].

«ЧЕРКЕСЫ ТОЛЬКО ЗЕМЛЮ СВОИХ ОТЦОВ (ПРЕДКОВ) НАЗЫВАЮТ «Хэку». Родившегося и выросшего в Турции деда я постоянно расспрашивал, «Хаждада, откуда пришли черкесы?» В таких случаях, каждый раз он отвечал «из Хэку», «из Хэку пришли». Никогда он не говорил: «Адыгэ Хэку, Адыгэ Жылагъуэ, Адыгэ Хэгъуэгу, Адыгэ шIынальэ», и говорил он то, что сам услышал [от предшественников].

ХЭКУ – это отдельное название, которым черкесы именуют землю отцов, на которой проживают испокон веков тысячелетия, других «хэку» не было. По правде говоря, к нему не подобает прибавлять [слово] «адыгэ» так как это наводит на допущение существования других хэку. Когда разговариваем и пишем давайте чутко относиться [к этому слову]. «Русского Хэку», «Турецкого Хэку», «Арабского Хэку»... таких нет, «Хэку» называют исключительно землю черкесов. Когда говоришь *Хэку*, то, что речь идет о черкесской земле становится [из контекста] очевидным. Остальные это земли (номинации «шIыгу» и «шIынальэ») настолько близки, что для их перевода мы ограничились использованием одного слова – «земли»), общества, страны... » (25.03.2021) [Yakup Temel 2021].

Хотя нет почвы для скепсиса относительно легитимности посыла, непредубежденности базовой позиции и нетривиальности предложенной траектории мысли, обозначенную направленность взгляда гипотетически можно отнести к эффекту диаспорального романтизма, часто демонстрирующего склонность к идеализации страны исхода предков. Однако то обстоятельство, что автор не стал при острой (как явствует из текста) потребности четкого обозначения объекта своего интереса, проводить напрашивающейся параллели с преобладающей моделью названия стран, скорее говорит в пользу непредвзятости суждений Тоглан Якуба. Принимая же во внимание, отсутствие практик институционального вторжения в узус черкесского языка в странах пребывания черкесской диаспоры и индифферентность государственных структур к референтным символам диаспоральных сообществ на протяжении последнего столетия, складывается стойкое убеждение в верифицирующем потенциале рамки, предложенной знатоком «узун-яйлинского» фольклора.

В отличие от диаспоры, понятие *Хэку* на родине с самого начала большевистского правления стала подвергаться направленному препарированию. Уже на излете 20-х гг. прошлого столетия его последствия стали проявляться недвусмысленно. Из вышеупомянутой встречи грузинского исследователя с информантом Джаримовым ученый почерпнул не только название страны на черкесском языке. Собеседник последнего дополнил свое сообщение любопытными сведениями. Он полагал, что слово *хекw* может быть приведено в следующих сочетаниях: «*qabartej xékw*», «*адәу́е х́екw*» («и др.») [Джанашиа 2007: 54]. Дальнейшие суждения также достойны пристального внимания. Проявляя неравнодушие к происходившим переменам, он подчеркивал, что «До советизации, когда говорили *адәу́е*, подразумевали нас темиргоевцев и бжедугов, а не шапсугов. После советизации этот термин получил такое широкое значение» [Джанашиа 2007: 54]. Двойное упоминание в рамках одного короткого замечания факта «советизации» как определяющего фактора институционального воздействия на идентитарные процессы обнаруживает в информанте чуткого к административным новациям свидетеля эпохи. Однако в видах настоящей работы больший интерес вызывает не осознанное и артикулированное наблюдение (относительно объяснимого наследия дихотомии *адыгэ жылэ / абазэ жылэ*), а незамеченная им нормализация словоупотребления понятия *Хэку* в контекстах иррелевантных черкесской лингвокультуре. Если в рамках конкретного речевого поведения представимы ситуации, допускающие использование словосочетания *qabartej xekw* применительно к Кабарде [Агънокъуэ 1993: 171] или *абадзахэ хэку* [Кумахова 1972: 103], соответственно, в отношении Абадзехии, то касательно второго примера заявленный тезис выглядит явной натяжкой. Очевидно, что в предложенном информантом ракурсе таксономически релевантным *qabartej xekw* концептами могли выступить, к примеру, *сeтeргwе хекw*, *s~apsэу хекw*. Однако эти региональные идентичности не удостоились отдельных институционально оформленных образований, а были объединены в общую «адыгейскую автономию». Лояльный студент краснодарского учебного заведения не мог проигнорировать результаты социокультурной реструктуризации, проведенной большевиками в свойственном им стиле неумолимого диктата. По этой причине информанты (другой к1эмгуйский информант в это время сообщал тому же Джанашиа, что *адыгэ* (*adyghe*) это «адыгейцы») [Джанашиа 2007: 23] в общении с экспедиционерами проявляли чуткость к языковым колебаниям властного дискурса. Там же недвусмысленно закреплялась административная единица под названием «Адыгейская автономная область» («Адыгэ автономнэ хэку») [Адыгэ автономнэ хэку: 1947] номинативно не связанная с остальными черкесскими анклавами. Таким образом, уже к началу 1930-х гг. институционально закреплялась новая языковая норма в отношении использования понятия *Хэку*, что подразумевало элиминацию его «ядерного» значения.

Следующая пунктирная точка процесса усечения семантического объема номинации *Хэку* относится к периоду Второй мировой войны. Тогда, в результате калькирования русского названия «Великая Отечественная война» в кяхский идиом черкесского языка был внедрен неологизм «Хэгъэгъу зауэшху». Следует отметить, что номинации *Хэку* и *хэгъ(у)эгъу* составляют общее семейство слов и в определенных условиях взаимозаменяемы. Но с момента учреждения «адыгейской автономии» за второй лексемой было «закреплено» понятие «страна» (в смысле независимое суверенное государство. К примеру, сакраментальный лозунг большевиков стал переводиться следующим образом: «*хэгъэгъу пстэуми япролетарыр зы шъухъу!*» – пролетарии всех стран соединяйтесь!) [Адыгэ автономнэ хэку: 1947]. Одновременно в речевом обиходе восточных черкесов появляется словосочетание «*Хэку зауэшхуэ*» как эквивалент вышеозначенной языковой единицы на русском. Курс на институциональное закрепление препарированной семантики понятия *Хэку* продолжился посредством его искаженной фиксации в словарях. Содержание изданного в 1955 г. в Москве «Русско-кабардинско-черкесского словаря» зримо иллюстрирует подобное положение. Приведенные в нем черкесские эквиваленты слов *край, страна, родина, отечество* дают пищу для размышлений относительно вектора властной интервенции в узус черкесского языка. Так, в качестве черкесских эквивалентов слова *край* (в значении *страна* и *местность*) представлены номинации «щӀыпӀэ ин» и «кьэрал» (sic!) [РКЧС 1955: 304]. Согласно словарю, *страна* на черкесском будет «кьэрал» (хотя под «кьэрал» столетием ранее Ногма понимал не *страну*, а государство; и государство определенного рода – империю) [Ногма 1956: 173]. Однако эталоном экстремального воздействия на языковую норму следует признать фиксацию в словаре такой номинации как *родинэ* в качестве релевантной передачи значения русской вокабулы *родина* [РКЧС 1955: 713]. На фоне такого факта фразпирующего волонтаризма подгонка понятия *Хэку* к запросам советской социальной инженерии может показаться уже не столь arrogantным актом. Однако подобный шаг не остался без последствий. Нарастающая интенсивность трансляции смыслов, связанных с крупнейшим военным катаклизмом XX в. и замещение культом победы девальвированных идеологием большевистской утопии предопределили соответствующий семантический сдвиг понятия *Хэку* в ареале шагской (восточно-черкесской) диалектной провинции. Апроприация понятия *Хэку*, с последующим направленным рассечением его семантики посредством институционального торпедирования, привело к закреплению в доминирующем дискурсе его деформированных / редуцированных значений (с локальной привязкой каждого из них). Это обстоятельство автоматически вело к выведению из актуальной семантической сетки интегрального элемента черкесской хоронимии. Как следствие, на излете советского периода и начала «гласности» говорить о стране народа *адыгэ* на черкесском языке без оговорок и уточнений стало проблематичным. Возник очевидный кризис репрезентации понятия *Хэку* в современной черкесской речевой культуре. По иронии истории программа, активированная партюкратическим режимом, начала себя воспроизводить тогда, когда «система» вошла в терминальную стадию. В 1991 г., издающаяся в г. Черкесск газета «Ленин нур» (Ленинский свет) была переименована в «Черкес хэку» (Черкесия). Под Черкесией, в данном случае, подразумевались два района с преимущественно черкесским населением в Карачаево-Черкесии. Ретроспективно воспринимаемая последней вспышкой угасавшего дискурса, этот конструкт «фетишизации означающего», ввиду наличия институциональной инфраструктуры до сих пор реализует свой субверсивный потенциал. Лишенная таковой, попытка демократического движения черкесов переопределить содержание синтагмы «Адыгэ Хэку» («Хэку» с заглавной буквы), не имела безусловного успеха по изложенным выше соображениям. В сущности, сама эта

попытка была проявлением выученной неуверенности сознания, десятилетиями пребывавшего под прессом идентитарного гнета. В сравнительном разрезе это положение напоминает робкие попытки региональных политий апеллировать к общенемецкой солидарности в ходе борьбы с Наполеоном в короткий период 1813 г. через конструкт «немецкого Отечества» (*deutsches Vaterland*), или «Отечество немцев» (*Des Deutschen Vaterland*) [Стерхов 2017: 71]. Эта первоначально неудачная инициатива, как выше отмечено, со временем (при появлении мощной и устойчивой инфраструктуры) приобрела характер общегерманского мейнстрима. Другой, в некоторых аспектах схожий кейс, связан с внедрением идеологемы «Арабское отечество» («аль-ватан аль-арабий»), по признанию исследователей, остающейся «зыбкой реальностью» [Косач 2007: 259, 261], как можно полагать, в связи с сильной страновой разобщенностью арабского мира.

Ознакомление со смысловым полем и особенностями бытования концепта *Хэку* в черкесском языке на протяжении последних столетий, позволяет определить его не только в качестве важнейшего компонента семантической области «родина / отечество», но и как тяготеющей к онимизации лексической единицы, изоморфной хорониму *Черкесия*. С начала 20-х гг. прошлого века понятие неоднократно становилось объектом направленного институционального препарирования, результирующим итогом которого явилась ситуация кризиса его репрезентации в черкесской речевой культуре. Однако, «поскольку значение слов производится не в словаре, а в процессе использования», интервенционистско-регуляторные установки властного дискурса в отношении словоупотребления понятия *Хэку* остались нереализованными.

Список источников

- Адыгэ... 1947 – *Адыгэ автономнэ хэку*. Илъэс 25-рэ зрыхъугъэм ехьылIагъ. 1922–1947. Мыекъуапэ, 1947.
- Агънокъуэ Лашэ 1993 – *Агънокъуэ Лашэ*. Усэхэр. Налшык, 1993. Н. 171.
- Архив внешней политики Российской империи 1762–1778 – Архив внешней политики Российской империи Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/2. 1762–1778. Д. 8. С. 113.
- Ашерсон Нил 2017 – *Ашерсон Нил*. Черное море. Колыбель цивилизации и варварства. Пер. с английского Варвары Бабицкой. М., 2017. С. 296.
- Балинт Габор 1904 – *Балинт Габор*. Кабардинско-венгерско-латинский словарь (*Lexicon Cabardino-Hungarico-Latinum*). Коловжар, 1904. С. 214.
- де Бесс Ж.-Ш. 1974 – *де Бесс Ж.-Ш.* Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 350–351.
- Бусыгина 1999 – *Бусыгина И.М.* О состоянии немецкой нации (Территориальный фактор в национальном самосознании немцев) // Полис. Политические исследования. 1999. № 1. С. 40.
- Гуссерль, Деррида 1996 – *Гуссерль Э., Деррида Ж.* Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М., 1996. С. 158.
- Достоевский 1982 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1982. Т. XXIV.
- Джанашиа Симон 2007 – *Джанашиа Симон*. Черкесские дневники. Тбилиси, 2007. С. 54.
- КРО 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. С. 362. (Далее: КРО).
- Косач 2007 – *Косач Г.Г.* Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 259, 261.
- Косвен 1961 – *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 440.
- Кумахова 1972 – *Кумахова З.Ю.* Абадзехский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Нальчик, 1972. С. 103.

- Лавров 1982 – *Лавров Л.И.* Этнография Кавказа. Ленинград, 1982. С. 33.
- Лиссабонская конференция ... – Лиссабонская конференция по литературе. Русские писатели и писатели Центральной Европы за круглым столом. // Звезда. № 5. 2006. magazines.gorky.media.
- Лопатинский 1896 – *Лопатинский Л.* «Русско-кабардинский словарь» // СМОМПК. Т. XXI. Отд. II. Тифлис, 1896. С. 153–301.
- Люлье 1846 – *Люлье Л.Я.* Словарь русско-черкесский, или адигский, с краткой грамматикой сего последнего языка, одобренный С.-Петербургской академией наук / составлен Леонтием Люлье. Одесса, 1846. С. 182.
- Митлина 2021 – *Мария Митлина.* 11 слов, помогающих понять израильскую культуру // Arzamas / arzamas.academy. 08.02.2021.URL: <https://arzamas.academy/mag/925-ivrit> (дата обращения: 04.04.2023).
- Мещеряков 2022 – *Мещеряков А.* Другая Япония. О книге Дзиппенса Икку «На своих двоих по тракту Токайдо». 5 сентября 2022. URL: <https://gorky.media/reviews/drugaya-yaponiya/> (дата обращения: 20.07.2023).
- Муравьев-Карский 1974 – *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. М., 1874.
- Ногма 1956 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. I. Нальчик, 1956. С. 71.
- Русско-венгерский словарь 1951 – Русско-венгерский словарь. Сост. Э.С. Хаас. Издание второе переработанное. Под редакцией К.Е. Майтинской. М., 1951. С. 399.
- РКЧС – Русско-кабардинско-черкесский словарь. Составили: Карданов Б.М., Бичоев А.Т. М., 1955. С. 304.
- Седжер 2017 – *Седжер К.И.* Каталог редкого, старинного и восточного оружия, хранящегося в собственном Его императорского Величества Арсенале в Царском Селе // ВК Хэкужь // <https://vk.com/publik> (дата обращения: 06.06.2017).
- Сенокосов 2005 – *Сенокосов Ю.* Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. М., 2005. С. 119.
- Сиюхов 1997 – *Сиюхов С.* Избранное. Составление, предисловие и комментарии к текстам: Хашхожева Р.Х. Нальчик, 1997. С. 286.
- Спенсер 2008 – *Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Модавию, Галицию, Силезию и Моравию, в 1836 году. Нальчик, 2008. С. 10.
- Сталь 1900 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 108.
- Стерхов 2017 – *Стерхов Д.В.* Король, отечество и прусская нация: государственный патриотизм в Пруссии в годы освободительных войн (1813–1815 годы) *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 72.
- Феоктистов 2010 – *Феоктистов Е.* Борьба Греции за независимость // Отечественные записки. 1862. Кн. 8. С. 493. Цит. по: Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 157.
- Хан-Гирей 2008 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. С. 183, 204, 210.
- Хан-Гирей 1974 – *Хан-Гирей.* Избранные произведения. Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974. С. 94.
- Хан-Гирей 1989 – *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989. С. 275.
- Чеснокова 2015 – *Чеснокова Л.В.* Национально-культурная специфика немецкого концепта Heimat (Родина) // www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/53.html.
- Fanon 1970 – *Fanon F.* Black Skin, White Masks. L.: Paladin, 1970. P. 73.
- Loewe 1854 – *Dr. L. Loewe* Dictionary of the Circassian Language // http://apsnyteka.org/file/loewe_1_dictionary_of_the_circassian_language.pdf (Дата обращения: 12.05.2023).
- Melvin Richter 1995 – *Melvin Richter.* The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction. (New York: Oxford University Press, 1995 p. 9.). Цит. по: Хауленд Д. Перевод с Западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. М., Челябинск, 2020. С. 62.
- Yakup Temel 2021 – *Yakup Temel* (Тэггулан Екьуб). Адыгэхэр езбы я адэжь щыналгэ закьуэрац «Хэку» кIэ эджэр // Facebook. 25.03.2021.

References

- Adyge avtonomne heku. II'es 25-re zeryh"ug"em ekh'yllag".* 1922–1947. Myek"uape. 1947.
- Ag"nok"ue Lashe. Usekher.* Nalshyk, 1993. N. 171.
- Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii* F. 115. Kabardinskie dela. Op. 115/2. 1762–1778. D. 8. P. 113.
- ASHERSON NIL. *Chernoje more. Kolybel' civilizacii i varvarstva.* Per. s anglijskogo Varvary Babickoj. M., 2017. P. 296.
- BALINT GABOR. *Kabardinsko-vengersko-latinskij slovar' (Lexicon Cabardino-Hungarico-Latinum).* Kolovzhar, 1904. P. 214.
- De Bess ZH.-SH. *Puteshestvie v Krym, na Kavkaz, v Gruziju, Armeniju, Maluju Aziju i v Konstantinopol' v 1829 i 1830 gg. // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskix avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik,* 1974. P. 350–351.
- BUSYGINA I.M. *O sostojanii nemeckoj nacii (Territorial'nyj faktor v nacional'nom samoznanii nemcev) // Polis. Politicheskie issledovaniya.* 1999. № 1. S. 40. Gusserl', Derrida 1996 – Gusserl' E., Derrida ZH. *Nachalo geometrii. Vvedenie ZHaka Derrida.* M., 1996. S. 158.
- DOSTOEVSKIJ F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. L.,* 1982. T. XXIV.
- DZHANASHIA SIMON. *CHerkesskie dnevniki.* Tbilisi, 2007. P. 54.
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah.* T. II. M., 1957. P. 362. (Dalec: KRO).
- KOSACH G.G. *Arabskij nacionalizm ili arabskie nacionalizmy: doktrina, etnonim, varianty diskursa. // Nacionalizm v mirovoj istorii / pod red. V.A. Tishkova, V.A. SHnirel'mana.* M., 2007. P. 259, 261.
- KOSVEN M.O. *Etnografiya i istoriya Kavkaza. Issledovaniya i materialy.* M., 1961. S. 440.
- KUMANOVA Z.YU. *Abadzekhskij dialekt i ego mesto sredi drugih adygskich dialektov.* Nal'chik, 1972. P. 103.
- LAVROV L.I. *Etnografiya Kavkaza.* Leningrad, 1982. P. 33.
- Lissabonskaya konferenciya po literature. Russkie pisateli i pisateli Central'noj Evropy za kruglym stolom // Zvezda.* № 5. 2006. magazines. gorky. media.
- LOPATINSKIJ L. *«Russko-kabardinskij slovar'» // SMOMPK.* T. XXI. Otd. II. Tiflis, 1896. P. 153–301.
- LYUL'E L.YA. *Slovar' russko-cherkesskij, ili adigskij, s kratkoj grammatikoj sego poslednegoazyka, odobrennyj S.-Peterburgskoj akademiej nauk / sostavljen Leontiem Lyul'e.* Odessa, 1846. P. 182.
- MARIYA MITLINA. *Il slovo, pomogayushchih ponyat' izrail'skuyu kul'turu // Arzamas / arzamas. academy.* 08.02.2021. URL: <https://arzamas.academy/mag/925-ivrit> (data obrashcheniya: 04.04.2023).
- MESHCHERYAKOV A. *Drugaya Yaponiya. O knige Dzippensya Ikku «Na svoih dvoih po traktu Tokajdo».* 5 sentyabrya 2022. URL: <https://gorky.media/reviews/drugaya-yaponiya/> (data obrashcheniya: 20.07.2023).
- MURAV'EV-KARSKIJ N.N. *Zapiski. Turciya i Egipet v 1832 i 1833 godah.* Moskva 1874.
- NOGMA SH.B. *Filologicheskie trudy. T. I. Nal'chik,* 1956. P. 71.
- Russko-vengerskij slovar'.* Sost. E.S. Haas. Izdanie vtoroje pererabotannoe. Pod redakciej K.E. Majtinskoj. M., 1951. S. 399.
- Russko-kabardinsko-cherkesskij slovar'.* Sostavili: Kardanov B.M., Bichoev A.T. M., 1955. P. 304.
- SEDZHER K.I. *Katalog redkogo, starinnogo i vostochnogo oruzhiya, hranyashchegosya v sobstvennom Ego imperatorskogo Velichestva Arsenale v Carskom Sele. // VK Hekuzh' // https://vk.com/publik* (data obrashcheniya: 06.06. 2017).
- SENOKOSOV YU. *Vlast' kak problema. Opyt filosofskogo rassmotreniya.* M., 2005. P. 119.
- SIYUHOV S. *Izbrannoe. Sostavlenie, predislovie i kommentarii k tekstam: Hashkhodzheva R.H. Nal'chik,* 1997. P. 286.
- SPENSER E. *Opisanie poezdok po Zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turciyu, Modaviyu, Galiciyu, Sileziyu i Moraviyu, v 1836 godu.* Nal'chik, 2008. P. 10.
- STAL' K.F. *Etnograficheskij ocherk cherkesskogo naroda // Kavkazskij sbornik.* Tiflis, 1900. T. 21. P. 108.

STERHOV D.V. Korol', otechestvo i prusskaya naciya: gosudarstvennyj patriotizm v Prussii v gody osvoboditel'nyh vojn (1813–1815 gody) Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii. 2017. № 2. P.72.

FEOKTISTOV E. Bor'ba Grecii za nezavisimost' // Otechestvennye zapiski. 1862. Kn. 8. S. 493. Cit. po: Petrunina O.E. Grecheskaya naciya i gosudarstvo v XVIII–XX vv. M., 2010. P. 157.

Han-Girej. Zapiski o CHERkesii. Nal'chik, 2008. S.183, 204, 210.

Han-Girej. Izbrannye proizvedeniya. Podgotovka teksta i vstupitel'naya stat'ya R.H. Hashkhozhevoj. Nal'chik, 1974. P. 94.

Han-Girej. CHERkesskie predaniya. Izbrannye proizvedeniya. Nal'chik, 1989. P. 275.

CHESNOKOVA L.V. Nacional'no-kul'turnaya specifika nemeckogo koncepta Heimat (Rodina) // www.gramota.net / materials / 3 / 2015 / 5-2 / 53.html.

FANON F. Black Skin, White Masks. L.: Paladin, 1970. P. 73.

DR. L. LOEWE. *Dictionary of the Circassian Language*: http://apsnyteka.org/file/loewe_1_dictionary_of_the_circassian_language.pdf (Data obrashcheniya: 12.05.2023).

MELVIN RICHTER. *The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction.* (New York: Oxford University Press, 1995 p. 9.) – Cit. po: Haulend D. Pervod s Zapadnogo: formirovanie politicheskogo yazyka i politicheskoy mysli v Yaponii XIX v. M., CHelyabinsk, 2020. P. 62.

YAKUP TEMEL (Teg'ulan Ek'ub). *Adygekher ezby ya adezh' shchIynal'e zak' uerashch «Heku» kle zedzher* // Facebook. 25.03.2021

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 29.10.2023; accepted for publication 15.11.2023.